

Чжэн Янь вел себя так же, как и У Ду, — крайне осторожно, настаивая, чтобы Дуань Лин ехал с ним на одной лошади. Дуань Лин снова и снова повторял, что все будет в порядке и что он может быть спокоен. У Ду уже уехал, и им ничего не угрожало. Чжэн Янь лишь добавил:

— Я ни за что не стану к вам приставать.

— Я знаю, — Дуань Лин не нашелся, что ответить. — Не волнуйся. Я ведь тоже немного владею боевыми искусствами. Видишь, я прошел столько всего, и со мной ничего не случилось?

Чжэн Янь мог только отмахнуться. В сопровождении телохранителей они втроем добрались до городских ворот. С неба сыпалась мелкая снежная крупа, а за воротами собралась плотная толпа людей.

— Где комендант? — лейтенант посылал людей преградить путь беженцам у ворот, не давая им подойти ближе, и закричал. — Ступайте за комендантом!

Дуань Лин удивленно произнес:

— Что происходит? Откуда взялись все эти люди?

— Это все беженцы с севера! — ответил ему лейтенант. — Что нам делать, губернатор?

Дуань Лин напряженно нахмурил брови. За воротами царил полный хаос, некоторые люди кричали — предположительно потому, что городские стражники угрожали им оружием.

— Отошли все! — кто-то воскликнул. — Иначе мы вас уьем!

После этого крика все затихли и поспешно отступили.

— Вам нельзя туда выходить, — сказал Чжэн Янь. — На всякий случай.

Дуань Лин знал, что Чжэн Янь опасался, что люди из Теневой стражи смешались с беженцами, чтобы убить его, поэтому кивнул и приказал:

— Отправьте несколько человек раздавать кашу и тщательно проверяйте беженцев одного за другим, а затем постепенно впускайте их в город. Ван Чжэн, обязательно пошли пару своих людей, чтобы они следили за порядком. Если кто-то из городских стражников попытается получить взятку, не позволяй никому уйти от ответственности.

Выслушав приказ, Ван Чжэн удалился. Тогда Дуань Лин вызвал к себе двух лейтенантов и сообщил им, что У Ду покинул город по служебным делам, но они не должны были никому об

этом сообщать.

— Вы планируете принять их всех, господин? — спросил лейтенант.

— А как было в прошлые годы? — спросил Дуань Лин.

— Раньше мы принимали не более двух тысяч трудоспособных мужчин, а остальным велели двигаться на юг. Кто-то отправлялся в Хуайин, кто-то — в Цзяннань, а что происходило с ними после ухода, мы не знаем.

— Постараемся сделать все возможное, чтобы принять их всех, — ответил Дуань Лин.

Во всяком случае, Цзунчжэнь дал им двадцать тысяч ши зерна, и у них было достаточно дров, так что пережить эту зиму не составит труда. Дуань Лин обратился к Фэй Хундэ:

— Я вынужден побеспокоить вас, мастер Фэй, чтобы придумать, как лучше их расселить.

— Мой господин, вы сетуете на состояние мира и так сострадаете людям, — произнес Фэй Хундэ, — небеса непременно будут покровительствовать вам.

— Сетую на состояние мира и сострадаю людям? — вздохнул Дуань Лин. Иногда ему действительно хотелось жаловаться на мир и обвинять людей — как так получилось, что чудесное родовое поместье Великой Чэнь дошло до такого состояния к тому времени, как перешло к нему? Хотя Му Куанда никогда не говорил об этом, Дуань Лин был уверен, что они оба были прекрасно осведомлены о положении дел, и в их головах сидела именно эта мысль.

— Господин? — произнес Фэй Хундэ, стоя рядом с Дуань Лином.

Дуань Лин взглянул на детей внизу. Сначала он попросил лейтенанта отправить городскую стражу, чтобы та пропустила их, а затем отдал на всякий случай распоряжение усилить патрулирование в зимнее время, пока люди будут жечь уголь для отопления. Он развернулся и сказал Фэй Хундэ:

— Сюда, пожалуйста, мастер Фэй. Есть кое-что важное, о чем я хотел бы с вами поговорить.

Дуань Лин и Фэй Хундэ спустились к городским воротам. Чжэн Янь подвел к ним лошадь, но Дуань Лин помахал ему рукой, давая понять, что она им не понадобится, так как он хотел бы послать за каретой для Фэй Хундэ, но тот сказал ему:

— Я как раз думал о прогулке. Почему бы нам не пойти посмотреть на снежные пейзажи вместе?

Дуань Лин кивнул:

— Я как раз думал сделать то же самое.

По сравнению с тем полуразрушенным состоянием, в котором находился город, когда они только приехали сюда, Е уже значительно похорошел. Дуань Лин был немного удивлен.

— Как удалось отремонтировать все дома?

— Это господин комендант попросил нас отремонтировать их, — ответил Ван Чжэн. — Перед наступлением зимы комендант с группой солдат проверял каждый дом, а мы с господином Янь Ди делали то же самое по отдельности, чтобы починить все дома, которые только можно, и люди не умерли зимой от холода.

Дуань Лин кивнул, и Ван Чжэн сказал:

— Люди очень благодарны вам и господину коменданту.

— Мне должно быть стыдно, — произнес Дуань Лин. — Я даже не знал, что все это произошло. Как губернатор я был довольно беспечен, слишком сосредоточен на собственных проблемах.

— Мой господин, за те месяцы, что вы занимаете свой пост, вы решили проблему продовольственного и финансового кризиса в городе. Если бы не ваш уголь и зерно, как бы хорошо ни латали дома, толку от этого не было бы, — сказал Сунь Тин. — Это лучшая зима, пережитая Е за последние десять лет.

— Но этого все равно недостаточно, — Дуань Лин сделал паузу, чтобы подумать. — Посмотрите на этих людей. В конце концов, мы должны найти для них место. Как только наступит весна, они превратятся в еще одну проблему, с которой придется разбираться.

Дуань Лин и Фэй Хундэ шли впереди группы, а Чжэн Янь ждал их неподалеку. Остальные тактично следовали сзади.

— Я размышляю о том, как этот мир стал таким, — сказал Дуань Лин Фэй Хундэ. — В день дворцового экзамена Его Величество задал вопрос о политике, и я действительно был тогда слишком наивен. Все, что происходило в мире, я сводил исключительно к военным вопросам и земле. Если сейчас подумать, Его Величество, наверное, решил, что я маленький ребенок.

Чжэн Янь произнес:

— Заметить такое было уже достаточно непросто. На самом деле, мало кто обладал таким вдумчивым умом и прозорливостью, как вы во время дворцового экзамена.

— Но вряд ли дело только в земле, — сказал Дуань Лин, обращаясь к Фэй Хундэ. — Или, может быть, я должен сказать, что вторжение варваров с севера было лишь зажиганием фитиля, которое привело к разгоранию всех проблем нашей страны.

— Верно, — с улыбкой произнес Фэй Хундэ. — С момента основания Великой Чэнь прошло уже двести лет. Она достигла самой бурной точки перелома. Даже если бы не было битвы при Шанцзы или если бы монголы не вторглись на юг, какая-нибудь другая угроза все равно бы возникла.

— Вы правы, — кивнул Дуань Лин. Он думал об этом с тех пор, как приехал в Е, — почему монголы, кидани и ханьцы постоянно воюют, и наладится ли жизнь, если они когда-нибудь перестанут враждовать. Постепенно он столкнулся с вопросом, который Ли Яньцю поднял на экзамене.

По правде говоря, их с Ли Яньцю долг был более тяжким, чем у всех предыдущих императоров.

— Великая Юй выстраивала империю триста семнадцать лет, — сказал Дуань Лин. — Она пала из-за вторжения хунну с юга. По всей центральной равнине прокатилась война, и каждая из провинций объявила о своей независимости. Наш император-основатель объединил разрозненные куски земли и построил Великую Чэнь. Некоторые династии просуществовали от трех до пятисот лет, другие были недолговечны и длились всего несколько десятилетий. Все мы можем говорить «вечная», но все мы знаем, что никогда не было вечной императорской династии.

То, что он только что сказал, было самым чудовищным преступлением, но из уст Дуань Лина это было не более чем правдой, и никто не мог его упрекнуть.

— Ваше Высочество — мудрый человек, — с улыбкой сказал Фэй Хундэ.

— И именно поэтому, — произнес Дуань Лин, — я не знаю, в чем корень недуга Великой Чэнь. Пожалуйста, мастер Фэй, просветите меня.

— Земля. Если разобраться, проблема Великой Чэнь, в конечном счете, сводится к земле. Если вы хотите вдохнуть жизнь в эту великую империю и помочь ей прожить еще несколько десятилетий, решение земельных распрей — ваша первоочередная задача.

— Но я не могу просто начать реформу. Изменения не могут быть принесены в Великую Чэнь в ее нынешнем виде. Если что-то изменится, вся система рухнет.

— Действительно. Если не свергнуть все правительство и не начать все сначала, то, как только знатные дома Цзяннань и Цзянбэй услышат слова «политическая реформа», они никогда не позволят этому случиться. При любой династии те, кто игнорирует волю жителей провинции, чтобы провести реформы, никогда не встречали хорошего конца.

Дуань Лин надолго замолчал. Если он не мог провести радикальных реформ, но хотел изменить империю, чтобы спасти ее от гибели, что он должен был сделать?

— Я часто думаю, — произнес Дуань Лин, — что конфликт между Ляо и Великой Чэнь сейчас уже не такой острый, как десять лет назад. Пока у власти находится Елюй Цзунчжэнь, мы можем, по крайней мере, гарантировать, что в ближайшие десять лет не будет никаких боевых действий. И хотя монголы любят грабить все вокруг, при условии, что наша оборона будет на должном уровне, настанет день, когда все эти бои закончатся.

— Но даже если мы больше не будем воевать, империя все равно будет в большой опасности.

Дуань Лин наблюдал за жителями Е; над городом висел густой зимний туман, и после почти полугодового восстановления город снова ожил: по обеим сторонам дороги расположились магазины, постепенно возводилась рыночная площадь.

— Какие у вас есть мысли на этот счет? — спросил Фэй Хундэ. — Я побывал во многих местах, разговаривал со многими правителями и влиятельными чиновниками, но ни у кого нет конкретного ответа, когда речь заходит о будущем.

— Время жизни человека на земле — всего лишь век, — улыбнулся Дуань Лин. — Уже сейчас достаточно сложно уберечься от несчастий в том веке, в котором я живу. Поэтому не зная, как решить проблему будущего мира после смерти, вполне нормально.

Фэй Хундэ улыбнулся ему в ответ.

— Именно поэтому говорят: «Человеческий век не вмещает и ста годов, но содержит всегда он на тысячу лет забот»*.

* Строка из одного из Девятнадцати древних стихотворений (III в. до н. э.-III в. н. э.). Они были отобраны из большего числа текстов царевичем Сяо Туном в начале VI века и включены в его «Изборник». Имена авторов к тому времени уже были забыты. Стихи эти написаны на традиционные темы тогдашней поэзии: разлука друзей, тоска покинутых или оставленных дома жен, грусть путника, раздумья о жизни и смерти.

— Когда я был маленьким, я читал «Историю Юй», и помню, что император Юй сказал: «Я хочу, чтобы эта империя вращалась сама по себе, как повозка. Даже если никто не управляет ею, она сможет продолжать двигаться по дороге».

— Ли Цинчэн действительно был человеком талантливым и дальновидным, — ответил Фэй Хундэ. — За всю историю Юй не было лучшего императора, чем он*.

* Главный герой другой новеллы Фэйтяня «Орлиный страж» (鷹衛 / yingnu), приквел «Радость встречи».

— Но в итоге даже он не смог предсказать, что империя может оставаться процветающей и мирной внутри своих границ, но вторжение чужеземных племен нанесет такой ущерб центральной равнине, что она неизбежно будет разрушена.

Фэй Хундэ ничего не отвечал, а просто следовал за Дуань Лином, медленно шагая по улице.

— Интересно, — сказал Дуань Лин, — есть ли способ сделать так, чтобы богатство и зерно империи не так сильно зависели от земли?

— Неплохая идея.

— Семь десятых населения ведут натуральное хозяйство. Кроме выращивания зерна, им больше нечем заняться. Поскольку они привязаны к земле на всю жизнь, им приходится подчиняться притеснениям со стороны знати, дворянства и деспотов, а также платить налоги императорскому двору.

— Это так, — произнес Фэй Хундэ. — Но если они не будут заниматься сельским хозяйством, что вы прикажете им делать?

— Когда я изучал государственное управление у канцлера Му и подводил итоги урожаев за год, я кое-что обнаружил. В большинстве случаев еды хватает. Когда только четыре десятых населения занимаются сельским хозяйством, мы можем прокормить большинство людей, живущих к северу и югу от Янцзы. Но у большинства либо нет земли, либо они ленивы, либо они хотят работать, но им нечего делать, и в итоге они становятся беженцами.

— Это один из вариантов, — сказал Фэй Хундэ. — Судя по тому, что я читал в исторических хрониках, во времена расцвета Великой Юй ремесла и торговля процветали, а центральная равнина была политически стабильной. Но раз есть производство, значит, должно быть и потребление. Если нет потребления, то развивать ремесла и торговлю будет сложно.

— Сейчас у нас есть несколько соседей, — произнес Дуань Лин. — Думаю, нет ничего плохого в том, чтобы попытаться, и почему бы не опробовать это на Е. Что скажете, мастер Фэй?

Фэй Хундэ улыбнулся.

— Отличная идея. Дайте мне немного времени, чтобы написать черновой вариант, и я покажу его вам, когда он будет готов.

— Давайте напишем его вместе. Если это поможет оживить Хэбэй, мы потихоньку распространим идею на Цзяннань. На этом пути нам придется столкнуться со множеством препятствий, но если все пойдет в правильном направлении, то проблем возникнуть не должно.

Так получилось, что двадцать тысяч беженцев только что хлынули в Хэбэй, и Дуань Лину

придется использовать его ресурсы, чтобы сохранить жизнь этим дополнительным двадцати тысячам человек вместе с жителями Е и Хэцзяня, а заодно развивать местные ремесла и торговлю, стараясь сделать все возможное, чтобы вернуть Хэбэй к жизни до своего отъезда.

Перед ужином Дуань Лин снова отправился к городским воротам. Беженцы постепенно входили в город. Ван Чжэн распорядился усилить охрану, разместив их в старых городских развалинах, где организовали пункты раздачи продовольствия. Новый и старый районы города разделяла внутренняя река, а для предотвращения грабежей и беспорядков вдоль берега выставили патрули.

Многие беженцы при себе имели ценности. Дуань Лин приказал принимать их в залог по казенным ценам, обменивая на зерно для переселенцев, направлявшихся на юг. Так удалось собрать олени рога, женьшень и другие товары.

Этой же ночью Дуань Лин и Фэй Хундэ начали составлять планы на весну. Любой другой был бы счастлив переждать зиму, но только не Дуань Лин.

Он не мог не признать, что за недолгий год пребывания в учениках у Му Куанды успел многому научиться: управление городом сродни ковке меча, и есть порядок действий, что нужно делать сначала, а что — потом. Любой другой на его месте был бы не в курсе, но Дуань Лин — нет.

Сначала он должен был поручить подготовительную работу и оценить площадь пахотных земель, которые можно было засеять весной, согласно их земельным записям. Затем они должны были распределить землю в соответствии с урожайностью предыдущих лет. Плюс Е состоял в том, что все пахотные земли принадлежали государству, и ни одна не контролировалась дворянством. Это было связано с тем, что в свое время у них была война с Ляо, а после нее монголы продолжали вторгаться в эти края, поэтому все помещики забрали свои ценности и бежали на юг.

Чтобы выращивать достаточно еды, им нужно освободить больше земли под сельское хозяйство, поэтому им придется оценить качество земли и прикинуть объем производства. Помимо сельского хозяйства, такие отрасли, как рыболовство, лесное хозяйство, садоводство, выращивание льна и добыча полезных ископаемых, также требовали чрезвычайно сложного планирования.

Фэй Хундэ, используя свой многолетний опыт, накопленный во всех регионах, перечислил отрасли, которые могли стать основой города: переработка, пивоварение, металлургия, прядение и ткачество, рафинирование и ремесло; его знания были почти всеобъемлющими, к тому же он учитывал особенности места добычи этих ресурсов, прежде чем составить многоуровневый список от лучшего к худшему.

Когда Дуань Лин увидел отчет Фэй Хундэ, он не мог нарадоваться, что имел доступ к такому источнику мудрости. Фэй Хундэ не был жаден, денег ему требовалось только на самое необходимое, да и ел он не так уж много, время от времени выпивая с Чжэн Янем. Дуань Лин

даже не знал, как его отблагодарить.

Не успел Дуань Лин опомниться, как У Ду уже не было семнадцать дней, и наступил двенадцатый месяц. Поначалу Дуань Лин все еще беспокоился о нем, но, к удивлению, некоторое время назад, когда солдат из Хуайина доставлял послание Чжэн Яну, он захватил с собой личное письмо У Ду. В нем рассказывалось, что он все это время путешествовал на юг, выслеживая убийц, а заодно и выполняя кое-какие поручения.

Для чего он проделал весь этот путь в Хуайин? Получив письмо, Дуань Лин почувствовал себя немного спокойнее. Возможно, сотрудничество с Залом Белого Тигра еще не было закончено, и У Ду нужно было разобраться там с делами.

В письме говорилось, что он вернется как раз ко дню рождения Дуань Лина.

Вечером, читая письмо У Ду, Дуань Лин вдруг почувствовал себя очень одиноким. Хорошо, что он уехал не слишком надолго: пока еще не дошло до того, чтобы он с тревогой ждал его возвращения.

Без У Ду, как бы он не был занят, ему все равно казалось, что чего-то не хватало. А главное, с течением времени Дуань Лин ощутил сильную неуверенность в себе. Как будто, когда У Ду не было рядом, никто не видел, что он делает, и его действия не имели такого значения.

Тем не менее, работа все равно должна была быть сделана.

За день до его дня рождения они уже нашли место для каждого беженца. Фэй Хундэ дописал последний черновик и сказал Дуань Лину:

— Ваше Высочество, завтра вам нужно отдохнуть. Мы обсудим все в деталях, когда через несколько дней вернется комендант.

Дуань Лин сказал:

— Позвольте мне еще раз прочитать все с начала.

— Завтра у вас день рождения. За последние полгода у вас не было ни одного хорошего дня отдыха. Просто возьмите перерыв на один день.

Дуань Лин очень удивился, что Фэй Хундэ помнил о его дне рождения.

— А как насчет вас, мастер Фэй? Не хотите сегодня поужинать вместе?

— Я собираюсь выпить с Улохоу Му, — ответил Фэй Хундэ. Единственным, кто осмеливался общаться с Лан Цзюнься, был Фэй Хундэ. Зная, что У Ду недолюбливал человека, которого держали под замком, все остальные вели себя осторожно, чтобы не быть уличенными в излишней любезности.

Проводив Фэй Хундэ, Дуань Лин некоторое время сидел, уставившись в пустоту. Его мозг работал без остановки уже несколько дней, и теперь, когда у него появилось свободное время, он чувствовал себя немного беспокойно.

Может, ему стоит пойти посмотреть, как устроились беженцы?

Дуань Лин позвал Чжэн Яня и попросил его вместе с ним осмотреть старый город, поэтому тот все время настороженно следил за ним. Город внезапно стал намного оживленнее, и в нем не было никаких, как он полагал, признаков хаоса.

— Вдруг стало на две тысячи человек больше, — произнес Дуань Лин. — Здесь действительно шумно. Надеюсь, они не начнут устраивать драки.

— Они рады, что хоть кто-то их принял, — сказал Чжэн Янь. — С чего бы им осмеливаться на что-то подобное?

— Действительно, по сравнению с голодом и холодом в Лояне, это место намного лучше.

— Вы двое постоянно толкуете, так к какому выводу вы пришли? — спросил Чжэн Янь. — Как вы собираетесь расселить столько людей?

— Еще не все решено. У нас есть план, но нужно дождаться возвращения У Ду, чтобы все согласовать. Созовем общее собрание и обсудим весь план с самого начала.

Ведь чтобы привести в действие такой грандиозный план, им придется задействовать военных. Нужно обсудить все с У Ду, чтобы понять, можно ли это реализовать.

— Завтра вам исполнится семнадцать. Хотите что-нибудь отведать?

— Откуда ты знаешь? — немного удивился Дуань Лин. — Это У Ду тебе сказал?

— Да. У Ду попросил меня приготовить вам миску лапши, если он не вернется вовремя.

— Давай пригласим Лан Цзюнься, чтобы завтра он мог поесть вместе с остальными, — ответил

Дуань Лин.

Чжэн Янь сделал паузу, чтобы подумать, и кивнул. После встречи с Лан Цзюнься на днях Дуань Лин заказал для него новую комнату и разрешил передвигаться рядом с кабинетом губернатора. Он даже мог иногда ходить в горы.

— А как насчет сегодняшнего дня? Хотите увидеть Улохоу Му? — спросил Чжэн Янь.

— Нет, — ответил Дуань Лин.

— Может, мне позвать мастера Фэй Хундэ?

— Нет нужды.

Вернувшись в кабинет, Дуань Лин уселся в одиночестве.

— Как насчет пойти понежиться в горячих источниках?

Чжэн Янь лукаво ухмыльнулся. Хотя Дуань Лин знал, что тот не станет ничего затевать, ему все равно было слишком лень куда-то идти.

— Забудь. Побеспокоимся обо всем этом завтра. Я немного побуду в тишине.

Чжэн Янь вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Постояв немного за ней, он сказал:

— Я буду снаружи.

Дуань Лин хмыкнул в ответ и сел в пустом и тихом главном зале один. Он прочищал голову, вытесняя из нее одно сложное дело за другим, с которыми ему пришлось столкнуться за последние несколько дней.

Вернется ли У Ду завтра вовремя?

Дуань Лин ужасно скучал по нему. С момента последнего письма от У Ду прошло уже семь дней. Где он сейчас? Если он успеет вернуться до завтра, то, скорее всего, уже почти добрался до Хэбэя. Бэнь Сяо очень быстр, так что, если он захочет вернуться, то, естественно, вернется.

Свет за окном постепенно погас. Подумав немного, он решил, что делать ему все равно нечего, и снова достал прошение Фэй Хундэ. Как только закончится Праздник весны и все подтвердят, он должен будет отправить прошение обратно в императорский двор и попросить Му Куанду передать его в канцелярию, прежде чем оно попадет в руки Ли Яньцю. Как только

императорский двор даст им официальный ответ, они смогут приступить к осуществлению плана весной.

Сегодня ночью разыгралась метель, и завывал северный ветер. Дуань Лину стало не по себе, он позвал кого-то и попросил проверить, чтобы в старом городе никто не замерз насмерть. Затем он послал за Ван Чжэном, чтобы тот принес немного серебра и раздал его дежурным городским стражникам, чтобы они могли купить немного горячего вина и согреться.

Если прошение будет передано непосредственно Ли Яньцю, ничего страшного не произойдет. Больше всего он беспокоился о том, что оно может попасть в руки Цай Яня. Если они пропустят весеннюю посадку, то все усилия окажутся напрасными.

Ветер становился все сильнее и громче, Дуань Лин немного подремывал, но, когда услышал, как Чжэн Янь что-то сказал за дверью, снова проснулся.

— Что такое? — спросил Дуань Лин. — У Ду вернулся?

Дверь внезапно распахнулась, и в комнату ворвался порыв ветра со снегом. Внутри вошел человек ростом в восемь чи, закутанный в черный плащ.

Чжэн Янь тактично закрыл дверь снаружи.

— Наконец-то ты вернулся! — взволнованно произнес Дуань Лин. — Как же ты так...

Но когда мужчина откинул капюшон, он увидел под ним лицо Ли Яньцю; его дыхание все еще клубилось в воздухе, когда он пристально смотрел на Дуань Лина.

В голове Дуань Лина словно вспыхнуло озарение: как будто он смотрел вниз с высокой горы, наблюдая, как гуси летели домой, как рушилась горная цепь и океаны текли вспять. В этот момент Дуань Лин не знал, что сказать. Охваченный трепетом, он просто стоял.

— Сын мой, — губы Ли Яньцю дрожали.

Дуань Лин шагнул вперед, все его тело трясло. Он хотел закричать, но ему казалось, будто что-то сжимало его горло; он хотел плакать, но не знал, куда делись его слезы. В глазах у него было только жжение.

— Ваше... Ваше Величество. Дядя, — дрожащим голосом произнес Дуань Лин.

Он, пошатываясь, двинулся вперед, крепко обнимая Ли Яньцю, и все силы покинули его. Ли Яньцю обнял его и медленно опустился на одно колено, заключая Дуань Лина в свои объятия.

— Дядя... Это ты... это ты... дядя!

За дверью снег немного утих. На ветру порхали снежинки.

Одетый с ног до головы в облачение убийцы, У Ду стоял там, закутанный в плащ, покрытый снегом. Не удержавшись, он заглянул в комнату.

— Это было слишком рискованно с твоей стороны, — с упреком сказал Чжэн Янь У Ду. — Как ты мог привести сюда Его Величество? А вдруг бы с ним что-нибудь случилось?

— Почему я не могу привести его сюда? — сказал У Ду. — Он так много страдал. Пора бы кому-то еще немного пострадать ради него.

Чжэн Янь был не в силах сказать ничего в ответ. Он мог лишь стоять у двери вместе с У Ду, охраняя ее то слева, то справа.

Ли Яньцю и Дуань Лин сидели на кушетке лицом друг к другу. В глазах Ли Яньцю застыла грусть, и он, не говоря ни слова, протянул руку, чтобы погладить Дуань Лина по щеке.

Дуань Лин застенчиво опустил глаза. Ли Яньцю поднял руку и коснулся его ладони. Несмотря на то, что по дороге сюда он надел перчатки, его руки все равно были ледяными.

— Это сегодня? — Ли Яньцю достал из кармана свидетельство о рождении.

Дуань Лин безучастно посмотрел на бумагу.

Он впервые видел свое собственное свидетельство о рождении. Он бросил на него один взгляд. Дата рождения — сегодня.

— Да, сегодня, — произнес Дуань Лин.

— У Ду проделал со мной весь этот путь. Наконец-то я добрался.

— Ты не должен был...

— Это первый день рождения, который твой дядя может провести с тобой. Отныне мы с тобой будем отмечать его каждый год вместе.

У Дуань Лина наконец-то навернулись слезы. Беззвучно их проливая, он прислонился к плечу Ли Яньцю.

Они тихо сидели, прижавшись друг к другу. Наконец перестал завывать ветер, но снег пошел еще сильнее. Крупные хлопья размером с гусиные перья с шумом падали на землю, заполняя собой все вокруг.

Дуань Лин попросил Ли Яньцю сесть и встал, чтобы открыть дверь. У Ду ждал снаружи, и как раз когда Дуань Лин собрался позвать его, он наклонился и прошептал ему на ухо:

— Обо мне пока не беспокойся. Иди и побудь со своим дядей.

Дуань Лин обнял У Ду за шею и быстро поцеловал его в губы. Он знал, что это лучший подарок на день рождения, который У Ду мог для него приготовить.

— Вам обоим нужно пойти отдохнуть. И смени одежду.

У Ду знал, что Дуань Лин не мог быть спокоен, когда он стоял за дверью, поэтому кивнул и сказал:

— Мы с Чжэн Янем будем по очереди стоять на страже сегодня ночью. Можешь о нас не беспокоиться.

Дуань Лин закрыл дверь, вернулся в дом и только теперь помог Ли Яньцю снять халат и положил его у огня, чтобы тот просох. Все это время Ли Яньцю не сводил с него глаз, следя за каждым его движением; губы его все еще слегка подрагивали. Казалось, он сильно нервничал.

Дуань Лин, сам того не желая, заметил его поведение и вдруг вспомнил тот день, когда его отец приехал в Шанцзин. Когда они впервые увидели друг друга, у отца было точно такое же выражение лица.

Дуань Лин все еще чувствовал себя немного неловко. Ведь Ли Яньцю ему не отец. Каждый раз, когда он видел его, от него исходила отстраненная и внушительная атмосфера, аура императора, в отличие от отца, когда тот впервые оказался рядом с ним.

— Сын мой, — обратился Ли Яньцю к Дуань Лину, подзывая его поближе, — иди сюда, дай мне еще раз взглянуть на тебя.

И вот Дуань Лин снова уселся рядом с Ли Яньцю. Он очень нервничал, но чувствовал, что тот нервничал еще больше, чем он.

На глазах Ли Яньцю блестели слезы, и он не мог не улыбнуться.

— С самого первого раза, когда я увидел тебя, у меня было смутное ощущение, что что-то не так. Той же ночью твой отец пришел ко мне во сне. Он сказал, что ты вернешься домой.

— Правда?

В глазах Дуань Лина тоже стояли слезы. Он изумленно спросил:

— Что он сказал?

Ли Яньцю покачал головой.

— Я уже не помню, что.

Подумать только, первое, о чем они говорили после подтверждения своего родства, — это о каком-то абсурдном сне. Даже самому Дуань Лину это казалось забавным, и он не мог не улыбнуться.

Ли Яньцю крепко держал его за руку. Он смотрел вниз, на ладонь Дуань Лина, а затем поднял взгляд на его лицо, проведя большим пальцем другой руки по его чертам лица.

— Я не похож на своего отца. Папа сказал, что я похож на маму.

— Я никогда с ней не встречался, но уверен, что моя невестка была очень красива.

— Ты понял это в тот день во дворце... дядя?

— Нет, это произошло даже раньше. Возможно, ты уже забыл, но, когда мы приехали в Цзянчжоу, я мельком увидел тебя сквозь занавес кареты. Уже тогда я ощутил смутное чувство тревоги внутри.

— Ты все время знал... Прости. Я был так невежлив...

— Ничего страшного, — с улыбкой сказал Ли Яньцю. — Я очень рад, что ты такой.

— Ты всегда знал, что Цай— Цай Янь — самозванец?

— У меня с самого начала было смутное предчувствие, что что-то не так, — бесстрастно ответил Ли Яньцю. — Но ведь его вернул Улохоу Му, а свидетелем был У Ду, все совпадало до мелочей. Тогда ситуация была довольно напряженной, и у нас не было времени на подробный допрос. Если бы он действительно был тобой, боюсь, ты бы никогда не забыл, как подозрительно я к нему относился.

— Но я убедился в этом, когда увидел «Ли», которое он неоднократно выводил в своих комментариях к меморандумам. То, как он начинал писать «Ли», было не совсем похоже на то, как следует писать «Ли» — он писал его так, словно начинал с травяного радикала (艹).

Дуань Лин был потрясен. Он и представить себе не мог, что из-за такой мелочи Ли Яньцю поймет, что Цай Янь — не настоящий! Чтобы написать иероглиф «Цай» (采), нужно начать с двух маленьких крестиков, причем горизонтальный штрих крестика является верхней частью иероглифа, в то время как один крестик в древесном радикале «Ли» (艹) — это длинный штрих поперек, а затем короткий вертикальный штрих вниз.

Привыкший писать свое имя, Цай Янь подсознательно поднимал кисть, когда начинал первый штрих при написании иероглифа «Ли». Возможно, он постепенно утратил эту привычку, но в глазах Ли Яньцю это все равно было не одно и то же!

— Расскажи мне обо всем, что случилось, — серьезно сказал Ли Яньцю, держа Дуань Лина за руку. — С того момента, как ты себя помнишь.

В глазах Ли Яньцю стояли слезы, которые он с трудом сдерживал. Дуань Лин подумал, что его ладони все это время были очень холодными, поэтому достал грелку и положил ее в руки Ли Яньцю.

За окном непрерывно падал снег. В комнате они сидели друг напротив друга, а между ними стояла маленькая красная глиняная печка.

После недолгого раздумья Дуань Лин начал медленно вспоминать прошлое. Начиная с самых первых дней в поместье Дуань, которые он мог восстановить в памяти, до момента, когда узнал о прошлом матери, а мрачные воспоминания о своем детстве изложил одним предложением. В такую же снежную ночь они с Лан Цзюнься покинули Жунань и отправились на север, в Шанцзин.

Ли Яньцю не перебивал его и все время сосредоточенно слушал. Когда Дуань Лин рассказывал о хаосе в Шанцзине и вспоминал об отце, Ли Яньцю притянул его к себе и положил голову Дуань Лина себе на плечо.

Все те события, словно сон, постепенно теряли очертания, становясь все менее реальными.

Зима одарила Цзянчжоу первым снегопадом, но он даже не успел покрыть крыши. Сквозь белизну, как чернила, проступали участки обнаженной дорожной и кровельной черепицы, а с голых ветвей кленов, уже не украшенных желтыми листьями, свисали сосульки.

В императорском дворце уже начали закупать красные украшения для Праздника весны. День

рождения наследного принца приходился на Новый год, и по прошлогодней традиции все должно было обернуться грандиозными торжествами. Однако в этом году царила странная тишина — от правителя государства не поступило ни единого распоряжения. Ли Яньцю внезапно покинул Цзянчжоу, оставив императорский указ: он отправился в Хуайин, а на время своего отсутствия наследный принц будет управлять страной, канцлер Му Куанда возьмет на себя административные дела, а Се Ю получит титул генерала-защитника государства.

К счастью, в этом году они были не так заняты, как в прошлом, но даже если так, быть регентом — не самая приятная работа. Цай Янь засиживался допоздна, трудясь до середины ночи, и до сих пор не мог уснуть.

Фэн До все это время был рядом с ним, и как только Цай Янь положил меморандум, он спросил:

— Чиновник из Министерства обрядов пришел спросить, что бы Ваше Высочество хотели сделать на день рождения в этом году.

До него оставалось меньше часа; Цай Яню каждый день приходилось подниматься с постели, чтобы собраться до рассвета к придворному заседанию, и он выглядел изможденным.

— По сравнению с государственными делами день рождения не так уж и важен, — сказал Цай Янь Фэн До. — Давай в этом году ничего не будем отмечать.

Фэн До кивнул. В Восточном дворце было до жути тихо. Дворец был огромен, но в нем почти никого не было.

— Что с теми людьми, которых ты отправил? — спросил Цай Янь.

— Я несколько раз пытался связаться с ними, но не получил ответа.

— А кто говорил, что он полностью уверен в том, что сможет это сделать? — тон Цай Яня был ненормально спокойным.

Фэн До слегка вздрогнул, не решаясь взглянуть на него, но, к удивлению, Цай Янь не реагировал слишком остро.

— Если не сможешь убить его, то первым умрешь ты, Фэн До. Давай, продолжай тянуть с этим.

Сейчас был третий девятидневный цикл после зимнего солнцестояния*, но лоб Фэн До был покрыт холодным потом. Он кивнул.

* Самые холодные дни в году.

— Я виноват.

— Я не шучу. Если хочешь жить, лучше покончить с этим делом побыстрее, пока Его Величества нет во дворце. Не спрашивай меня, почему.

Фэн До не успел обдумать слова Цай Яня, как тот сразу же кивнул и произнес:

— Почему бы нам прямо сейчас не вызвать его обратно в столицу, чтобы он отчитался о проделанной работе...

— Мне все равно, как ты это сделаешь. Это не то, о чем я должен беспокоиться. У меня и так забот хватает — Улохоу Му пропал, и от него тоже нет никаких вестей. Фэн До, не думай, что я просто пытаюсь тебя напугать. День твоей смерти близок.

Сначала Фэн До не сразу вник в смысл сказанного, но чем больше он размышлял, тем яснее понимал: что-то было не так. Он поднял взгляд на Цай Яня, и в его глазах застыл ужас.

Некоторые вещи нельзя было подвергать тщательному изучению, ведь если Фэн До внимательно исследует вопрос, то придет к такому выводу, который он не сможет вынести.

— Слушаюсь, — неуверенно ответил Фэн До.

— Это все, что я могу сказать, — добавил Цай Янь. — Не делай ничего, о чем потом будешь жалеть.

Фэн До с трудом сглотнул. Цай Янь, по-прежнему полностью одетый, откинулся на спинку кушетки, и его глаза наполнились печалью. Неизвестно, о ком он печалился — о Фэн До... или о себе.

— В течение трех лет, — наконец произнес Фэн До, — если к тому времени я не смогу избавиться от Ван Шаня, прошу вас предать меня смерти, Ваше Высочество.

— Какая мне польза от того, что я лишу тебя жизни? Не стоит сейчас давать никаких гарантий. Оставим это. Уже почти наступило время утреннего собрания. Дай мне немного отдохнуть.

Цай Янь откинулся на кушетку и закрыл глаза. С крыши снаружи одна за другой падали капли воды; в детстве в Шанцзине, когда шел дождь, он ждал возвращения брата, сидя посреди галереи с книгой в руках, хотя читать не было никакого настроения.

Дождь стучал непрерывно, и если он начинал моросить, то шел всю ночь напролет. Звук его ударов по дереву мог довести человека до безумия.

— Я скучаю по нему, — внезапно произнес Цай Янь.

Фэн До не решился ему ответить, и Цай Янь добавил:

— Пошли письмо в Хуайин. Попроси его поскорее вернуться.

В день рождения наследного принца императора не было во дворце, и придворные не могли не шептаться за спиной: «Почему именно сейчас? Не раньше и не позже...» Цай Янь всё чаще замечал, что Ли Яньцю постепенно охладил к нему. Возможностей встретиться с ним стало меньше, но каждый раз, когда Цай Янь, превозмогая смущение, всё же приходил к нему, Ли Яньцю принимал его с прежней теплотой весеннего ветерка. Однако после нескольких фраз неизменно напоминал: «Усердствуй в государственных делах — ты уже не ребенок, пора учиться брать на себя ответственность».

Но самое главное — он был очень одинок.

Когда-то он думал, что Ли Яньцю был так же одинок, как и он сам. Но этот император не любил императрицу и не любил общаться с высокопоставленными чиновниками. Даже с Чжэн Янем он особо не разговаривал.

Как удалось выяснить Фэн До, придворные действительно обсуждали кое-что. Но объектом их пересудов был Ли Яньцю, а не он сам. Суть сводилась к тому, что «семья Ли холодна и равнодушна по натуре», и только наследный принц отличается мягким характером, относясь к сановникам с искренней теплотой.

Равнодушны по натуре, Цай Янь не понаслышке был знаком с холодностью Ли Цзяньхуна. В Шанцзине тот заботился только о своем сыне. В чей бы дом ни заходил Цай Янь, родители его одноклассников заботливо обмолвливались парой слов, но Ли Цзяньхун никогда не проявлял к нему никакой поверхностной вежливости. Казалось, пока Дуань Лин хотел с ним дружить, их дом был его домом, и он мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Но если в один прекрасный день Дуань Лин решил бы, что тот ему больше не нравится, Цай Янь не смог бы даже подойти к улице за их дверью.

Ли Яньцю тоже был холоден. Иногда Цай Янь даже не мог понять, искренни ли его слова о заботе и здоровье, или он говорил это только потому, что Цай Янь был «сыном его брата». В глазах Ли Цзяньхуна хотя бы кто-то был, а в глазах Ли Яньцю — вообще ничего.

Дождь и снег сообща покрыли дороги Цзянчжоу грязью, но в тысяче ли от него, в Е, за ночь намело столько снега, что город окутало серебристое покрывало — точно в раю.

Еще не рассвело, но последняя капля уже упала в водяные часы, издав легкий плеск, а фитиль

лампы без единого звука догорел до конца, оставив после себя лишь спираль бледного дыма.

Дуань Лин лежал в объятиях Ли Яньцю и уже спал.

У Ду сменил Чжэн Яня, и, заметив, что в комнате стало тихо, он открыл дверь и на цыпочках вошел внутрь, чтобы не разбудить Дуань Лина. Ли Яньцю покоился на кушетке с ним в обнимку, а Дуань Лин лежал у него на руках и крепко спал. Ли Яньцю осторожно поднял руку и поднес ее к губам: «Ш-ш-ш».

— Просто спи здесь, — тихо произнес Ли Яньцю. — Не буди его.

У Ду кивнул. Дуань Лин зашевелился в его руках, уже проснувшись, и поднял голову.

— Что? — спросил в полудреме Дуань Лин.

— Это было трудное путешествие и для тебя, — сказал Ли Яньцю, — отдохни пока.

У Ду кивнул, и, когда он уже собирался выйти из комнаты, Ли Яньцю снова произнес:

— У Ду.

Дуань Лин потер глаза. Ли Яньцю сделал паузу, чтобы подумать, и не продолжил, а лишь бросил на него взгляд, дав понять, что они поговорят позже. Он уложил Дуань Лина на кушетку, снял с себя верхний халат и лег рядом с ним спать.

Ночь прошла спокойно и безмятежно; Сунь Тин пришел добавить угля в огонь, и, подумав, что внутри находится У Ду, тихо позвал коменданта. Не услышав ответа, он вышел из комнаты сразу после того, как закончил подсыпать уголь.

Ли Яньцю еще не проснулся, зато проснулся Дуань Лин.

Он, положив голову на плечо Ли Яньцю, услышал шум. Подсознательно он потянулся рукой к груди Ли Яньцю, нащупывая нефритовую дугу, которую тот носил на шее.

Это было то самое знакомое ощущение из далекого прошлого. Когда он был маленьким, засыпал, положив голову на плечо Ли Цзяньхуна, и даже во сне, прикоснувшись к нефритовой дуге на груди отца, безошибочно узнавал ее.

Когда его пальцы нащупали ее форму, Дуань Лин ощутил твердость нефрита и температуру тела, передающуюся через одежду Ли Яньцю. Он открыл глаза.

Ли Яньцю поднял руку и положил ее на ладонь Дуань Лина, смыкая пальцы.

Дуань Лин резко проснулся, приходя в себя. Прошлой ночью он был слишком взволнован, поэтому ничего не соображал. Теперь же, когда он об этом подумал, все происходящее напоминало сон. Внезапно он застыл в напряжении.

Но Ли Яньцю не шевелился, а просто держался за руку Дуань Лина и продолжал спать.

Дуань Лин осторожно убрал ладонь и медленно встал. Небо уже посветлело, как невыносимо, что император провел здесь всю ночь! Все произошло так неожиданно, настолько, что он до сих пор не мог полностью это принять.

Он перелез через дядю, изо всех сил стараясь не шуметь, и осторожно поставил ноги на пол. Накинув халат, он приоткрыл дверь и выскользнул наружу.

Чжэн Янь стоял на страже у входа и дремал. Взглянув на Дуань Лина, он улыбнулся.

Дуань Лин тоже улыбнулся Чжэн Яню.

Снег прекратился, и солнце ярко засветило над серебристым Е, словно заявляя Дуань Лину, что его жизнь началась заново.

Он пробрался по извилистой галерее к У Ду. Тот крепко спал в их комнате, но тут же проснулся, когда к нему бросился Дуань Лин, и нахмурился.

— Иди доставай своего дядю, — раздраженно произнес У Ду.

Дуань Лин рылся в одеялах, и У Ду потянулся к нему, обхватывая руками, а затем перевернулся на бок, чтобы прижать его к себе. Однако он ничего не сделал: очевидно, он просто устал и хотел только спать.

Под одеялом руки Дуань Лина блуждали по телу У Ду, расстегивая нижнюю рубашку, чтобы сделать вдох в области шеи и груди. Он почувствовал легкий запах пота, продолжая двигаться вниз по его телу, принюхиваясь.

За дверью Чжэн Янь произнес:

— Ваше Высочество, Его Величество проснулся. Он ищет вас.

У Ду слегка подтолкнул Дуань Лина, чтобы тот ушел и отправился прислуживать императору. Дуань Лин только и успел, что выползти из-под одеяла, как У Ду, полусонный, произнес:

— Я приду через два часа. Обедайте без меня.

Ли Яньцю стал искать Дуань Лина, как только проснулся, поэтому ему осталось лишь полубегом вернуться, чтобы помочь ему собраться.

Прошла ночь, а Дуань Лин все еще чувствовал себя не в своей тарелке, не зная, как начать разговор. Напротив, Ли Яньцю, закончив умываться, заговорил:

— Отныне обращай со мной, как с отцом, а я буду относиться к тебе, как к своему сыну. Это принадлежало твоему отцу. Подержи пока.

После этих слов Ли Яньцю протянул ему нефритовую дугу. У Дуань Лина словно остановилось сердце, он не решался взять ее и просто смотрел в глаза Ли Яньцю.

— Дядя, — дрожащим голосом произнес Дуань Лин.

Ли Яньцю, держа в руке нефритовую дугу, глядел в глаза Дуань Лину.

— Носи ее на себе, — ответил Ли Яньцю. — Только тогда предки Великой Чэнь будут присматривать за тобой.

— Обязательно, — Дуань Лин взял ее обеими руками.

— Твой отец тоже будет присматривать за тобой.

Дуань Лин обхватил ее пальцами и надел на шею, после чего положил подвеску в карман внутренней рубашки.

— Где У Ду? — спросил Ли Яньцю, пока Дуань Лин помогал ему одеться.

— Он еще спит. Хочешь, чтобы я его разбудил?

— Не нужно, — серьезно сказал Ли Яньцю. — Сегодня твой день рождения. Я уже приказал Чжэн Яню приготовить миску лапши долголетия*. Как только У Ду проснется, мы не спеша обсудим наши дальнейшие действия.

* Особенность в том, что каждая лапшинка является очень длинной и ее нужно съесть, не откусывая. При употреблении лапши на день рождения порвать ее — к несчастью.

— Дядя, приехать сюда с твоей стороны было слишком безрассудно, — не удержался Дуань Лин.

— Здесь не так много убийц, — произнес Ли Яньцю. — А кроме того, север до Гуаньшаня, юг до южного побережья Вьетнама, десять тысяч ли с юга на север — разве твой отец не путешествовал в одиночку?

Дуань Лин улыбнулся. Он хотел сказать: «Мой отец всю жизнь был военным и обладал непревзойденными навыками боевых искусств, ты вряд ли сможешь сравниться с ним, поэтому мы точно не можем допустить, чтобы с тобой что-то случилось».

Он сел рядом и, немного подумав, спросил:

— Хочешь чаю, дядя?

Ли Яньцю кивнул и, проснувшись, не сводил глаз с Дуань Лина ни на мгновение. Тот принялся кипятить воду и заваривать чай. Как ни странно, в присутствии Ли Яньцю они общались так, словно знали друг друга всю жизнь. Даже до признания родства, стоило им обменяться парой фраз, как между ними возникала естественная близость.

Некоторые люди рождаются генералами, а другие — императорами. С самого детства Ли Яньцю был человеком с высоким статусом, с четырнадцати лет помогал отцу в управлении империей и имел дело с такими влиятельными чиновниками, как Чжао Куй и Му Куанда. Сейчас, сидя в главном зале, он излучал внушительную ауру правителя, который смотрел на свое царство свысока, не прилагая к этому никаких усилий.

— Они уже нашли Чжэньшаньхэ? — спросил Ли Яньцю.

— Пока нет. Мы ждем новостей от Елюй Цзунчжэня.

— По дороге сюда я узнал от У Ду о том, чем вы занимались последние полгода. Ты очень хорошо поработал.

Дуань Лин не знал, искренне ли Ли Яньцю хвалил его, или в его глазах, что бы он ни делал, все было хорошо.

— Стыдно признаться, но у меня... у меня действительно не было достаточно войск под рукой, поэтому мне ничего не оставалось, как заключить трехлетний договор с Бату.

— Не стоит беспокоиться, — ответил Ли Яньцю. — Как только я вернусь в Цзянчжоу, я начну набирать войска и через три года передам тебе пятьсот тысяч солдат.

— О, нет, не стоит, — тут же возразил Дуань Лин, — сейчас империя... Дядя, прошу прощения, но для того, чтобы в империю вернулся мир, нужно приложить столько усилий. Мы не должны больше набирать войска. Три года не кажутся долгим сроком, но это и не короткий срок. За это время можно многое сделать.

Уголок рта Ли Яньцю незаметно изогнулся, и он одобрительно посмотрел на Дуань Лина.

— Похоже, у тебя есть идеи получше, чем у меня.

— В армии важно качество, а не количество. Если мы действительно собираемся начать войну, мы можем заманить их в Хэбэй, используя стратегию выжженной земли, не оставляя им ничего для жизни. Мы лучше знакомы с местностью. Нам не нужно их бояться.

Ли Яньцю кивнул.

— Я не очень разбираюсь в том, как вести армию на войну. Тогда мне помогал твой отец, сдерживая наших врагов, но теперь я уверен, что с тобой у нас все получится.

Дуань Лин сразу же сказал, что ему еще нужно учиться и что на поле боя он полностью зависит от У Ду. Ли Яньцю, немного подумав, добавил:

— В будущем все, кто поддерживал тебя с самого начала, будут награждены императорскими подарками.

Дуань Лин задумался над этим.

— Дядя, я хотел бы попросить об одной вещи.

Потягивая чай, Ли Яньцю одобрительно хмыкнул, давая понять, что пока соглашается.

— Ты же знаешь, У Ду не умеет читать настроения людей, и он прямодушный человек...

— Я, разумеется, не собираюсь винить его за то, что случилось раньше, — отстраненно произнес Ли Яньцю. — Я всегда восхищался темпераментом У Ду — в конце концов, не так уж много людей в мире осмелились бы послушаться меня.

— И дарить ему подарки тоже не нужно. Я лишь хочу, чтобы он всегда был рядом со мной...

Ли Яньцю улыбнулся.

— Нам все равно нужно одарить его.

— С таким характером, как у него, если ты подаришь ему деньги или ценности, это будет...

— Давай подарим ему Чжэньшаньхэ, — ответил Ли Яньцю. — И, может быть, половину

нефритовой дуги?

Услышав это, Дуань Лин сразу же впал в оцепенение, не зная, что и сказать.

— Хм... — спросил Дуань Лин. — Правда? Мы действительно можем это сделать?

— Он спас твою жизнь. Жизнь моего сына стоит не меньше половины нефритовой дуги. Однако эта нефритовая дуга не может быть передана его потомкам. Но, если судить по его поведению, я уверен, что он все равно никому ее не передаст.

— Тогда от имени У Ду позволь мне поблагодарить...

Ли Яньцю нахмурился:

— С чего бы тебе благодарить меня? Мы с тобой на одной стороне!

Дуань Лин не мог удержаться и искренне разразился залиvistым смехом. Он чувствовал, что некоторые черты все-таки были схожи: каждый Ли, казалось, обладал способностью очаровывать, и все они могли бросить что-то совершенно неподобающее с совершенно серьезным выражением лица.

Стража уже была на посту, поэтому Чжэн Янь не решался прямо обратиться к нему «Ваше Величество». Из-за двери он спросил:

— Когда подавать обед?

Ли Яньцю спросил Дуань Лина:

— Голоден?

Как раз в тот момент, когда Дуань Лин собирался нервно ответить, Ли Яньцю сказал:

— Сын мой, когда твой отец задавал тебе вопросы, у тебя было такое же выражение лица?

Дуань Лин только и мог сказать:

— Нет, я хочу дождаться У Ду, чтобы мы могли поесть вместе.

— Тогда хорошо, какой смысл ждать его? Если ты чего-то хочешь, просто скажи.

— Я боюсь, что скажу что-то не то и сделаю тебя несчастным, дядя, — произнес Дуань Лин. Он действительно слишком боялся поражения, опасаясь, что если он не будет осторожен, Ли Яньцю тоже его покинет.

— Я тоже раньше волновался — боялся, что все окажется сном, а еще больше — что ты будешь винить меня в том, что из-за моих ошибок ты страдаешь, и не захочешь со мной возвращаться. И тогда я снова окажусь в одиночестве в этом огромном дворце. А ведь там действительно одиноко.

Дуань Лин почувствовал, как в его сердце забурлили непередаваемые эмоции, и сделал паузу, не зная, стоит ли что-то говорить. Но поскольку Ли Яньцю уже сказал ему говорить то, что он хочет, у него больше не было никаких сомнений.

— Какое лекарство ты принимаешь, дядя?

— Скорее всего, в нем нет ничего плохого. Я покажу тебе и У Ду рецепт, когда вернемся в Цзянчжоу. Ты не знаешь, как все устроено во дворце, но любой рецепт для императора и наследного принца должен пройти проверку в Императорской медицинской академии, затем его опечатывают после подписи командующего императорской стражи, управляющего внутренними делами дворца, канцлера, а также секретаря канцелярии. Когда конверт вскрывают, он также должен быть заверен управляющим внутренними делами дворца и командующим императорской стражи, прежде чем из него начнут готовить отвар.

— Кто является командующим императорской стражи? — спросил Дуань Лин.

— Се Ю. Он старый друг твоей матери. Не думаю, что он попытается меня убить. А ты как думаешь?

Дуань Лин почувствовал себя спокойнее и добавил:

— А какие отношения были между Се Ю и моей матерью?

Ли Яньцю слегка улыбнулся, но не стал вдаваться в подробности, связанные с делами покойного старшего брата — обсуждать такое с младшим поколением было неуместно. Дуань Лин все понял без слов.

У Ду наконец проснулся и, как и прежде, подошел к двери, чтобы встать на стражу. Дуань Лин понял, что это он, по звуку его деревянных сандалий, и захотел позвать его, но не был уверен, стоит ли его впускать, ведь здесь был Ли Яньцю. Но потом он вспомнил, что говорил ему Ли Яньцю, и, набравшись смелости, произнес:

— У Ду.

У Ду откликнулся из-за двери. Ли Яньцю указал на свою грудь, а затем на Дуань Лина, чтобы тот понял, что речь идет о нефритовой дуге, и взмахом руки сообщил, что пока не стоит говорить об этом У Ду. Дуань Лин кивнул и сказал:

— Входи и садись.

У Ду распахнул дверь, и Ли Яньцю распорядился:

— Чжэн Янь, мы готовы к обеду. Когда подадут еду, заходи и ешь с нами.

После того как У Ду вошел, он остался стоять, и Ли Яньцю произнес:

— Иди и садись там, где ты обычно сидишь. Нет необходимости соблюдать формальности.

У Ду произнес:

— Правда?

Дуань Лин только собирался остановить его, как У Ду уже большими шагами пошел к ним и сел рядом с Ли Яньцю, плечом к плечу.

Ли Яньцю молча уставился на него.

Дуань Лин сказал:

— Да встань ты уже с этого места...

У Ду с недоумением взглянул на Ли Яньцю, будто спрашивая: «Но ведь это ты сказал мне сидеть здесь?»

— Ладно. Ты комендант — место твое, — у Ли Яньцю явно было хорошее настроение. Он встал и сел рядом с Дуань Лином.

У Ду молча смотрел на него.

Он оказался бессилен против Ли Яньцю.

Ли Яньцю добавил:

— Судя по всему, ты до сих пор помнишь, как я ударил тебя чернильным камнем. В конце концов, старые обиды требуют отмщения.

У Ду произнес:

— Я бы никогда не посмел. Если бы я знал, что Ваше Величество уже тогда все поняли, ни за что не посмел бы выступить против.

Дуань Лин вспомнил, как однажды У Ду получил от Ли Яньцю чернильным камнем по голове и вернулся весь в туши, Ему было одновременно и смешно, и грустно. Он уже собирался сгладить ситуацию, но Ли Яньцю продолжил:

— Поскольку Жо-эр тоже здесь, я извинюсь перед тобой, пока мы находимся в его присутствии. Но ты никогда не беспокоился о таких вещах и не защищал Жо-эра ради пустой славы или наград. Давай просто будем относиться к этому случаю, как к шутке между нами.

Для У Ду подобные слова были сродни высшей форме уважения, поэтому он почувствовал себя немного виноватым. Поднявшись со своего места, он сказал:

— Это я был груб. Пожалуйста, проходите, Ваше Величество.

Только после этого Ли Яньцю встал, занимая почетное место, а У Ду сел рядом с Дуань Лином.

У Ду случайно заметил красный шнурок на шее Дуань Лина, и тот достал нефритовую дугу, чтобы показать ему. У Ду слегка удивился:

— Ты вернул ее?

— Это дядина дуга. Он отдал ее мне на время.

Слуги внесли четыре большие миски с лапшой, а следом вошел Чжэн Янь. Дуань Лин пока отложил нефритовую дугу. Каждый из них получил по миске лапши, и в каждой из них было по одной длинной не разрывающейся лапшинке.

После того как лапша была подана и все выпили по чашке горячего чая, Дуань Лин отослал слуг и стражников, оставив снаружи только Шулюй Жуя.

— Шулюй Жуй был послан Елюй Цзунчжэнем, чтобы защищать меня, — сказал Дуань Лин Ли Яньцю. — Мы можем ему доверять.

Ли Яньцю кивнул. Шулюй Жуй закрыл снаружи дверь, и они приступили к обеду. Ли Яньцю

подул на суп в своей ложке и произнес:

— Есть еще одна нефритовая дуга, которая все еще находится в руках этого самозванца из Восточного дворца. Когда мы вернемся, то должны будем как можно скорее решить этот вопрос раз и навсегда — объявить об этом всему миру, выступить против него при дворе, а затем разорвать его и Улохоу Му на куски смертью от тысячи порезов.

Ли Яньцю невозмутимо говорил об этом, как будто обсуждал, слишком ли соленая лапша или недостаточно. Дуань Лин на мгновение задумался и, видя, что Чжэн Янь и У Ду смотрели на него, понял, что только он мог продолжить этот разговор.

— Лан Цзюнься находится прямо здесь, в поместье, — сказал Дуань Лин. — Хочешь, я приведу его сюда, чтобы ты мог допросить его, дядя?

— Хм? Кого? — Ли Яньцю сразу же понял, о ком идет речь, и спросил. — Лан Цзюнься в твоих руках?

Дуань Лин кивнул. Ли Яньцю на мгновение задумался, а затем сказал:

— Я допрошу его завтра, чтобы он не портил мне сегодня настроение.

— Цай Янь на самом деле не представляет особой проблемы, — сказал Дуань Лин. — Настоящая угроза — это канцлер Му.

Ли Яньцю утвердительно хмыкнул и добавил:

— Какой удивительный поворот событий — ты стал учеником канцлера. Судьба и вправду играет с нами жестокую шутку.

Дуань Лин размышлял, стоит ли раскрыть дяде заговор Му Куанды. Но одно неосторожное слово — и последствия станут необратимыми. Это затронет не только деликатный вопрос отсутствия наследников у Ли Яньцю, но и вовлечет Му Цзиньчжи. Он должен был действовать осторожно.

Над Цзянчжоу сгустились темные тучи, и тусклый солнечный свет слабо пробивался из-за облаков.

Уже несколько дней Му Куанда выглядел не в духе. Дело дошло до того, что даже другие крупные чиновники двора стали обращать на это внимание.

На утреннем собрании, помимо Цай Яня, Му Куанда выглядел самым изможденным.

Когда Су Фа поднял вопрос об отборе талантов для продвижения по службе в следующем году, Цай Янь не мог не заметить, что в последнее время Му Куанда говорил крайне мало. Большую часть времени он, казалось, пребывал в долгом молчании.

— Что вы думаете, канцлер? — после продолжительного молчания Цай Янь наконец-то не удержался и спросил Му Куанду, гадая, о чем мог думать этот старый лис.

— В Цзяндуне с незапамятных времен рождается множество одаренных людей, — ответил Му Куанда. — Отобрать побольше талантов, чтобы они могли присоединиться к императорскому двору — благое дело. В прошлом году было предложение о реформе сельскохозяйственных угодий, так почему бы не попросить этих новоиспеченных чиновников представить меморандумы на эту тему, чтобы после возвращения Его Величества он мог бы выбрать лучшие предложения. Возможно, среди них найдутся блестящие идеи.

Вслед за этим придворные возобновили обсуждение. После переноса столицы императорский двор разделился на две фракции. Местную знать Цзянчжоу представлял Су Фа, а южных переселенцев возглавлял Му Куанда. Обе фракции преследовали свои интересы, и обычно, если поднимался вопрос о продвижении местных молодых чиновников, Му Куанда никогда так просто не соглашался.

Сегодня же, как только Му Куанда заговорил, он отметил, что в Цзяндуне много молодых одаренных людей, а значит, молчаливо согласился с предложением Су Фа.

Вчера вечером Су Фа пришел во дворец и сказал Цай Яню, что, по его мнению, процесс оценки новых талантов уже достаточно затянулся, и пора постепенно передавать им обязанности. Когда Цай Янь поднял эту тему при дворе, он, по сути, спрашивал мнение Му Куанды, но в голове у него уже были заготовлены аргументы на случай, если тот откажется. Он и представить себе не мог, что Му Куанда согласится без споров, и это стало для него неожиданностью.

С точки зрения других чиновников, все выглядело так, словно наследный принц заранее убедил канцлера, и поэтому сегодня с его стороны не было особого сопротивления.

— Ну что ж, решено, — кивнул Цай Янь. — Все, есть ли еще что-нибудь, что вы хотели бы представить?

— Ваше Высочество, господа, пришли вести с поля боя в Е, — сказал Се Ю. — Они прибыли сегодня утром. Монголы уже вывели свои войска.

После этих слов каждый чиновник императорского двора испустил облегченный вздох. Даже Цай Янь не мог удержаться от изумления.

— Они вывели войска? — произнес Цай Янь. — Давайте послушаем, как все произошло. Что случилось?

— В депеше коменданта Хэцзяня У Ду нет подробностей, — сказал Се Ю. — В ней говорится лишь о том, что монгольская орда за ночь отступила на север, и, по словам их разведчиков, уже ушла на север за долину Хэйшань и не вернется до весны. Хань Бинь из Юйбигуань тоже прислал донесение, но его сообщение пришло на день раньше, чем сообщение из Хэцзяня. Монгольская орда уже переправилась через Желтую реку и движется на север.

Это действительно была лучшая новость, которую они могли получить перед Новым годом. Даже морщина между бровями Му Куанды, казалось, разгладилась.

— Это благодать для Его Величества, Вашего Высочества и всех подданных, — произнес Су Фа, обращаясь к Цай Яню. — Весть пришла как нельзя вовремя.

Цай Янь улыбнулся ему.

— Скорее отправьте сообщение в Хуайин и доложите дяде.

После придворного собрания Му Куанда вернулся в свое поместье, а рядом с ним, как всегда, сидел Чан Люцзюнь.

Прошел почти месяц с тех пор, как они получили последнее послание от Чан Пина. Му Куанда выглядел явно озабоченным, он потягивал чай, хмурия брови, и открыл секретное письмо, лежащее на столе.

Оно было написано почерком Дуань Лина и служило для Му Куанды общим представлением о событиях, произошедших после возвращения Дуань Лина из Лояна. Послание было составлено довольно хитро, в нем не упоминались причины, а только следствия. События примерно совпадали с тем, что рассказал ему Чан Люцзюнь: Дуань Лин и Елюй Цзунчжэнь вместе бежали из Лояна.

— Как он вообще сумел познакомиться с императором Ляо? — невозмутимо спросил Му Куанда.

— Что? — Чан Люцзюнь мгновенно удивился. — Тот человек в Лояне был императором Ляо?

Чан Люцзюнь подозревал нечто подобное: тот юноша в серебряных доспехах обладал необыкновенной силой, и на его стороне были многие мастера боевых искусств. Он подумал, что, возможно, этот человек был каким-нибудь принцем или дворянином из Ляо, но он и представить себе не мог, что это был сам император!

— Я задал тебе вопрос, — недовольно произнес Му Куанда.

Чан Люцзюнь тут же ответил:

— Да. Я понятия не имею, как они познакомились, но Ван Шань, похоже, случайно спас тому человеку жизнь в ту ночь. Вскоре после этого они прислали гонца, который попросил меня и У Ду встретиться с Ван Шанем в штабе городской стражи.

Дуань Лин не стал пояснять свои отношения с Елюй Цзунчжэнем. Если Му Куанда выведает эту информацию у Чан Люцзюня, то она покажется ему более достоверной, чем если бы он рассказал ее сам.

В письме также говорилось о том, что после того, как они покинули Лоян, Елюй Цзунчжэнь поехал за ними в Е, так как их без устали преследовали монголы, но, когда они достигли долины Хэйшань, то получили письмо от Угэдэя и вскоре отступили.

Что касалось Чан Пина, то они до сих пор не знали, что с ним случилось.

В письме Дуань Лин спрашивал Му Куанду, стоит ли ему поручить У Ду сопроводить Улохоу Му обратно в столицу, ожидая его дальнейших действий.

Умно то, что Дуань Лин не предлагал, что делать с Улохоу Му, а просил Му Куанду принять решение.

— Где гонец, который принес это письмо? — спросил Му Куанда. — Позови его сюда, чтобы я мог задать ему пару вопросов.

Посыльный оказался одним из подчиненных Сунь Тина, стражником губернаторского поместья. Му Куанда расспросил о повседневном поведении губернатора и коменданта, и гонец ответил на все его вопросы. Му Куанда снова отослал его и попросил передать Дуань Лину устное послание: «Распорядись, чтобы «того человека» пока оставили в Е, но будь предельно осторожен, чтобы его не обнаружили».

Отправив гонца, Му Куанда откинулся на кушетку и, глядя на унылый зимний пейзаж во дворе, тяжело вздохнул.

Это был самый опасный момент в его жизни. Малейшая оплошность — и следующее, что его ждет, — полное уничтожение.

— Чан Пин. Куда он подевался? — спросил Му Куанда.

Чан Люцзюнь сидел как на иголках. Он сам был виноват, что не подумал о том, что тот может

пропасть на полпути.

Чан Люцзюнь сказал:

— Возможно, на обратном пути он столкнулся с монголами...

— Это невозможно. Он наверняка попал в плен.

Это было главной проблемой, которая мучила Му Куанду последние несколько дней.

— Здесь может быть только два варианта. Либо он попал в руки Яо Фу, либо в руки Ли Жуна. Когда вы двое столкнулись с Чжэн Янем, вы все были в городе.

— Да, — сразу же ответил Чан Люцзюнь, — но он не обязательно передал его Хуайинхоу. Возможно, его передали и Его Величеству.

Му Куанда, глубоко задумавшись, произнес:

— Он всегда получал приказы от Яо Фу, а тот все это время что-то подозревал. В Сычуани, вскоре после возвращения наследного принца, Яо Фу послал кого-то проверить его.

Чан Люцзюнь не решился ничего сказать, и Му Куанда добавил:

— Вероятность есть, хотя и не очень большая. Скорее всего, его похитил наследный принц. Уже разослана почти половина Теневой стражи, и все они — подчиненные Фэн До. Если бы они все это время следили за Чан Пинем, а в конце внезапно напали на него...

— У нас в руках Улохоу Му, — с усталостью в голосе сказал Му Куанда, — а у Ли Жуна — Чан Пин. Хе.

Му Куанда, не глядя на Чан Люцзюня, покачал головой, а его брови были похожи на тугой узел, который невозможно было развязать.

Чан Люцзюнь произнес:

— Господин Чан Пин весьма изобретателен. Уверен, он справится.

— Мы должны быть готовы к худшему, — ответил Му Куанда. — Если Чан Пин во всем признается, у нас будет еще больше проблем. Чан Люцзюнь, ты должен найти его.

Чан Люцзюнь сказал:

— Но, господин канцлер, вы...

— Забудь обо мне. Ты должен как можно скорее найти Чан Пина. Если не сможешь его спасти, тогда убей его, чтобы он не смог дать показания.

Чан Люцзюнь кивнул, и Му Куанда продолжил:

— Эти новости из Е пришли только сегодня, но Его Величество отбыл уже давно. Должно быть, он получил информацию на шаг раньше нас, а что касается того, кто послал ему эту информацию, то, наверное, никто, кроме Чжэн Яня, не стал бы этого делать.

Чан Люцзюнь нахмурился:

— То есть Его Величество тоже осведомлен?

Му Куанда ничего не ответил и долго молчал. Согласно докладу Чан Люцзюня, в тот день, когда они поймали Улохоу Му, Чжэн Янь тоже был там. Если бы были хоть какие-то зацепки, то он обязательно сообщил бы Ли Яньцю.

— Думаю, Ли Яньцю поехал не в Хуайин, — тихо размышлял Му Куанда, прежде чем продолжить, — а в Е. По всей вероятности, он отправился допросить Улохоу Му.

<http://bllate.org/book/15657/1400672>